

ГЛАВА 1

— Боже, Ксю, даже не вздумай в себе сомневаться! Для своих двадцати семи ты потрясающе выглядишь.

Для своих двадцати семи.

Меня бьет током от этих слов. Фигурально выражаясь, конечно. Но заводжусь я мгновенно. Севшая было батарейка заряжается до предела, наполняя меня силами и желанием спорить.

— О, щас будет. — Сидящая по левую руку Наташа закатывает глаза. Обхватывает губами соломинку, втягивает в себя коктейль и принимается строить глазки мужчинам за соседним столиком.

— Будет, — обещаю я, делая пьяный взмах рукой. — Будет, и еще как. Послушай меня, милая Алена. — Пауза в пару секунд придает важности тому, что я скажу дальше. — Может быть, кому-то и достаточно выглядеть хорошо для своего возраста. Но лично я, — показываю на себя обеими руками, — просто выгляжу прекрасно. Без привязки к годам в паспорте.

Алена смотрит на меня с недоумением:

— А какая разница, Ксюш?

— Разница огромная! — начинаю я, но прерываюсь, так как нам приносят шампанское. — Спасибо большое, — быстро благодарю официанта. — Что изменилось за последние семь лет? У меня морщины появились? Челюсть вставная или, может...

7

⋮

— Давайте выпьем за то, чтобы прекрасно выглядеть и в двадцать семь, и в тридцать девять, и в шестьдесят четыре! — перебивает меня Наташа, поднимая бокал.

— Аминь, — соглашаюсь я. Добавить нечего.

Мы чокаемся и делаем по глотку. Где-то на периферии сознания я отмечаю, что пошла третья бутылка и пора бы притормозить.

Мне кисло, но при этом хорошо. Я редко пью алкоголь, обычно некогда. Расслабляюсь на растяжке в спортзале или в сауне после силовых дважды в неделю. Но сегодня особенной день. Мы с Андреем... развелись.

Не верится. До сих пор не верится! Кажется, что это помутнение, какая-то дурная игра. Я смотрю перед собой и часто моргаю. Опять накатывает. Страх, жалость к себе. Бессилие. Хватаю бокал и осушаю его парой глотков. Руки немного дрожат, голова кружится. Эйфория подхватывает. Мне вдруг дико хочется спуститься на первый этаж и потанцевать.

Что я и делаю!

Алена отнекивается, хватается телефон и проваливается в переписку. Ее Гриша очень ревнивый — практически каждая встреча с подругами заканчивается их ссорой.

Наташа же весело кивает и подскакивает с места. Вот кто поддержит любую инициативу! Я мысленно благодарю Вселенную за потрясающих подруг.

Взявшись за руки как школьницы, мы спешим на первый этаж, где располагается танцпол.

Музыка здесь громче. Она особенная. Будто обволакивающая и сексуальная. А может, это шампанское ударило в голову.

Я свободная! Не верится! Просто не верится! Отчаянно встряхиваю руками волосы и начинаю двигаться.

Обнимаю себя и отдаюсь во власть танца. Как же давно я, оказывается, не танцевала. Наташа зажигает рядом. Мы часто переглядываемся.

;

8

Все случилось так быстро. Вот же были на юбилее у мамы. Андрей улыбался, шутил. Мы, правда, не обнимались и почти не касались друг друга. Я потом уже это поняла, когда в голове крутила, анализировала. Поначалу полагала, что все в норме. Как обычно. Домой вернулись, спать легли. А через два дня поссорились. Сильно. Как никогда раньше. Дошло даже до взаимных оскорблений, от которых осадок тяжел, как свинец. Дальше одиночество, отчаяние и ноющая тупая боль в груди. К сердцу хочется прижать ладонь и держать так, да только станет ли легче?

Спустя пару песен мы возвращаемся наверх, чтобы выпить. Жарко! Я даже немного запыхалась. Щеки горят, сердце колотится. Делаю глоток воды.

— Тот парень на тебя смотрит, — шепчет Наташа на ухо. — На два часа.

Я быстро поворачиваю голову в сторону, поздно соображая, что следует быть осторожнее. Парень с короткой стрижкой и правда смотрит четко на меня. Внимательно, не отрываясь. Наши глаза встречаются. В его я вижу смешинку. Тут же быстро отворачиваюсь, но успеваю заметить, как он, улыбнувшись, подмигивает. Мне! Шустрый какой.

«Не подходит», — загорается в голове красными лампочками.

Молодой. Какой-то борзый. Не в моем вкусе.

— Симпатичный, — говорит Наташа. — Я уже пятнадцать минут за их столиком наблюдаю, он с тебя глаз не сводит.

Фыркаю.

Но стоит признать, что пристальное внимание льстит. Самую малость. Крошечку. Улыбка непроизвольно растягивает губы. Я пораженно качаю головой, отмечая, в какой же заднице моя самооценка.

Весь прошлый месяц я чувствовала себя растерянно, металась. Подругам признаваться не стала, но

даже плакала. Каждый день и много. В глубине души не хотела разводиться, ждала первого шага от Андрея. Любого. Шага к примирению. Но за месяц он ни разу не позвонил и не приехал. Словно ему было все равно. Не захотел меня возвращать.

Мы встретились в загсе сегодня утром. Толком не поговорили: он спешил.

Я беру бокал и делаю еще один глоток, словно позируя. Пусть на меня смотрят. Любуются. Я правда выгляжу хорошо.

Красивая для двадцати семи лет. Хах. Умом понимаю, как абсурдно звучат эти слова! Но сейчас я нахожусь в таком состоянии, что ранить может любая мелочь, пальцем ткни — разревусь. Вот и сейчас слезы вновь подкатывают к глазам. Жгут.

Внимательно слушаю, как девочки взахлеб обсуждают новый ресторан популярной сети, который вот-вот откроется в центре. Тоже хочу сходить, у меня ведь теперь уйма свободного времени.

Все время чувствую на себе взгляд. Он навязчив, из-за чего нервирует. Но и будоражит почему-то. Я распрямляю плечи и слегка подаю грудь вперед. Едва поднимаю глаза, вновь осекаюсь. Будто ошпаривает. Он смотрит. Хотя улыбаться больше не пытается. Как-то скорее голодно — не по себе от этого.

— Ксюш, пойдем с нами? — спохватывается Алена. — Пожалуйста-пжалуйста, — складывает ладони в умоляющем жесте. — Будет весело, честное слово. Вкусно поедим, выпьем вина. Они программу обещают. Пока секрет, правда, но по обрывкам фраз догадываюсь, что приедет кто-то из Стендапа.

— Да я не хочу мешать, вы ведь с Гришей будете. Свидание, романтика. И тут я. Пятое колесо.

Без Андрея. Раньше мы вчетвером ходили куда-то. Довольно часто.

Алена закатывает глаза так усердно, что выглядит чуток жутковато.

— Гриша будет со своим телефоном, как обычно. А я одна. О, Руслан с нами поужинает! Да, в день открытия он будет занят, дел по горло. Ты ведь знаешь Руса, он пытается успеть все. Но когда-то же ему нужно будет поесть! Подумай, я буду очень рада.

Я улыбаюсь и киваю. Раз так, почему бы и нет?

А потом, совершенно случайно, вновь поднимаю глаза и вижу, как тот самый парень встает из-за стола, явно намереваясь подойти к нам.

О нет. Совершенно простая стрижка, нейтральные джинсы и футболка. Он точно из тех парней, которые носят кеды и пуховики. Бр-р!

Боже, ни за что!

•
†

ГЛАВА 2

ДЕНИС

Зачетная какая.

— Слюни подбери, Дэн, — пихает в плечо Ренат. — Не туда смотришь.

Он пытается повернуть мою голову в сторону.

— Эй, — рявкаю я, отстраняясь.

Не люблю, когда меня трогают, особенно лицо. Сразу рефлекс может сработать. Но взгляд его преслеживаю. Юные девчонки, студентки, курс второй, вряд ли старше, тусуются у барной стойки. Смеются, сгибаясь пополам. Хорошенькие.

В клубе пахнет сексом. Им вообще пахнет все вокруг, сука, год в армии. Я вот смотрю на это все, жадно вдыхаю свободу и думаю: а на хрена мне вновь к берцам и винтовкам возвращаться? Устроюсь барменом для начала — чтобы отдохнуть и впечатлений набраться. Прямо можно в этот самый клуб. Летом на море поработаю, отложу часть на ремонт. Потом можно по профессии основной начать подыскивать что-то нормальное, для солидности. Через год, например.

Вновь обрываю себя. К чему тогда все это было? Спорт, год в разведке. Вышвырнуть его из жизни? С Люськой расстались, потому что год — это много. Чтобы что? Отец опять же. Хоть какая-то ниточка.

— Сча накатим и подойдем поздороваться, — строит грандиозные планы Никита.

Я отмираю.

— Ага, — отвечаю, а глаза вновь *на нее*.

Как-то сами собой они туда возвращаются, без моего на то усилия. Красивая. Выделяется среди остальных. Пышные кудрявые волосы как облако. И танцует манко, горячо. Руки сами собой тянутся. Я видел, всю ее обсмотрел.

Хотел подойти, но пока бы спускался на первый этаж, пропустил бы зрелище. Ну и так, на всякий случай приглядывал — вдруг кто полезет?

Меня, если начистоту, удивить сейчас несложно. Так что вряд ли ее заслуга в том, что полный рот слюны и настроение в штанах приподнятое. Просто как-то легко на душе. Домой вернулся, друзья рядом. Девушки красивые, куда ни глянь.

Грустная она только. Грустных девок я люблю, тянет меня к ним, поделаться ничего не могу. Это с сада еще повелось. Люся тогда была самой грустной девочкой в группе: на всех фото мы по стойке «смирно» стоим и улыбаемся, она — орет в истерике, закатывается.

Идеально, блин. Дэн попал. Че еще надо для счастья?

Я вновь смотрю на соседний столик. Чего, спрашивается, грустить, красавица? Знак ей хотел подать. Если бы улыбнулась в ответ — сразу бы подошел. Но она глаза высокомерно закатила и отвернулась. Было обидненько. Зато потом так глянула украдкой, что жаром обдало. Простил, короче.

Хочу ее.

Эта девушка с облаком на голове и в черном платье на тонких бретельках шампанское снова пьет, и как-то особенно грациозно у нее это получается.

Мы с парнями по очередной стопке опрокидываем. В голову ударяет, но потом отпускает резко. Хочется действий. Сколько можно на заднице сидеть? Ждать, пока на колени красавица сама запрыгнет? Так это бабла побольше надо. Раз эдак в миллион.

— Мне, чур, темненькая. В моем вкусе, — встречает Никита.

Ренат начинает спорить просто по привычке. Он вечно спорит — прибить его за это часто хочется. Год друзей не видел, а ничего не поменялось.

— Я пошел, — говорю, поднимаясь.

Мужики замолкают. И возмущенно кричат мне вслед, когда понимают, что иду я совсем не к барной стойке, кишашей второкурсницами.

Моя, что в платье на бретельках, вдруг хватает бокал. Осушает залпом. Поднимается и шагает в сторону лестницы. Быстро, явно торопится. В туалет сильно захотела, наверное. Еще бы, столько пить.

Идет слегка неровно, как бы не рухнула с лестницы. Взгляд то ли пьяный, то ли будто вот-вот расплачется. Может, пока с подружками ее познакомиться? Подождать, узнать о ней чего-нибудь. Цену себе набить.

Но в последний момент я сам беру вправо и топаю за девушкой. Ну так, чисто проследить, чтобы до туалета нормально дошла и обратно.

До туалета она доходит, ни разу не упав. А жаль, я бы поймал.

В паре метров от двери вдруг оборачивается, смотрит на меня недовольно, хмурится. Признаю, странно вышло: словно преследую.

Она отрицательно мотает головой, предостерегает. Вновь становится не по себе.

Девушка забегает в дамскую комнату и закрывается.

И что мне делать? Поразмыслив пару секунд, решаю, что стоит ее подождать, чтобы расставить точки над «і». Объяснить, чтобы ничего такого не надумывала. Что хочу познакомиться — вот и все. Сие удовольствие не запрещено. Что поделать, если она тут самая красивая и грустная. А я заслужил: год жизни Родине посвятил, в грязи налазился, на левое ухо контузия, до сих пор неважно слышу.

Не заслужил, что ли, ее улыбки? Ну.

Пусть улыбнется, а дальше видно будет.

Стою жду. Чтобы не толкаться, отхожу к стене, прижимаюсь спиной. Вокруг столько всего! Охренительно. Чувствую, как начинаю пьянеть. Алкоголь-таки всосался в кровь, погнал по венам. Сердце ускорилося. Захотелось приключений.

Жду долго. Начинаю думать, что зря. Бойтся, что ли? Или случилось чего? Собираюсь уже пойти до ее подруг, пусть поищут. Мало ли что, от этих грустных красавиц ожидать можно чего угодно в современном мире.

Только я отрываюсь от стены, как дверь в женскую комнату в очередной раз открывается и выходит моя.

Мы смотрим друг на друга.

Музыка здесь значительно тише, чем на танцполе, но все равно достаточно громкая — кричать смысла нет. Я поднимаю руки, демонстрирую ладони. Простой жест, показывающий, что я без оружия. Не угроза. Он довольно бессмысленный, потому что руки частую и есть оружие. Но действует на людей обычно успокаивающе.

Она вдруг подходит и обнимает меня за шею. Ого. Прижимается. Почему-то холодная вся, как ледышка, хотя в клубе жарко. По крайней мере, мне — очень. Да и когда девушка танцевала, щеки у нее покраснелись, горячая была. Я же видел.

— Эй, все нормально? — спрашиваю, уткнувшись в ее шею.

Втягиваю в себя запах, и голова кружится. Не знаю, что это за духи, но они пипец приятные. И волосы ее тоже вкусно пахнут. Вся она какая-то особенная, свежая, нежная.

Год в разведке, блин. Это все ВДВ и тупой голод без женского тела.

Сожрал бы прямо сейчас. Но в туалете или за углом такую нельзя. Она... элитная, что ли.

— Потанцуем? — спрашивает. Включили как раз песню медленную.

